

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ И СТИЛЕМ НАУЧНОЙ ПРОЗЫ А. С. ПУШКИНА

(По материалам «Истории Пугачева»)

Г. И. Шкляревский

I

Изучение языка А. С. Пушкина является одной из неотложных задач советского языкознания, ибо он представляет собой важнейший источник современного русского литературного языка.

И. В. Сталин в работе «Относительно марксизма в языкознании» указывает: «Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина»¹.

Изучая творчество А. С. Пушкина, подчеркивая современность великого поэта, говоря «наш Пушкин», мы вкладываем в эти слова не только принадлежность писателя к нашей русской литературе, но и то, что взгляды, думы и чаяния поэта в известной своей части с полным основанием можно назвать нашими. Одной из черт многогранной личности поэта, понятной и близкой современному читателю, является глубокая народность Пушкина, его сочувствие народу, поработанному самодержавно-крепостническим строем.

К свержению самодержавия призывает все творчество Пушкина, но после 14 декабря 1825 г. поэт начинает все чаще задумываться именно о крестьянской революции. В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом товарищ Сталин сказал: «Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев»². Современность А. С. Пушкина проявляется и в том внимании, которое уделяет писатель вождям крестьянских восстаний. В 1826 г. из-под пера Пушкина выходят глубоко народные песни о Степане Разине, «самом поэтическом, — по словам поэта, — лице русской истории».

Однако неправильно было бы думать, что взгляды Пушкина на крестьянскую революцию были тождественны воззрениям в этой же области, впоследствии высказанным революционерами-демократами. Хотя поэт и привлекает мощь крестьянских восстаний, безусловная правота восставшего народа, борющегося за свою свободу, но в то же время крестьянская революция страшит его.

Вместе с тем Пушкину была ненавистна грубая, всеподавляющая сила дворянского государства, построенного на крепостнически-рабской

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 9.

² «Большевик», 1932, № 8, стр. 37.

системе, враждебной народу, который в годы испытаний грудью отстаивал свое отечество.

Разрешить это противоречие Пушкин не мог. Но в то же время он создает такие художественные образы, которые красноречиво говорят о том, к какому стану склоняются его симпатии, кого он считает правым и кому служит своим творчеством.

А. М. Горький писал, что в прошлом только второстепенные писатели славословили феодальные и капиталистические порядки; подлинные художники, крупные писатели всегда были «блудными сынами» своего класса.

Блестящим подтверждением этого является творчество Пушкина, в частности произведения его, посвященные антидворянским крестьянским восстаниям. Борьба за уничтожение крепостного права пронизывала все творчество поэта. В статье о Радищеве А. С. Пушкин горячо восклицал: «Избави меня, боже, быть поборником и проповедником рабства!» Еще более резкие и революционные высказывания поэта мы находим в воспоминаниях современников. Так, например, Долгоруков в своем кишиневском дневнике 20 июля 1822 г. записывает: «На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петлю».

В современном литературоведении во многом изучен образ Пушкина — прозаика и поэта, борца за свободу народа. Пушкин же, автор «Истории Пугачева» — произведения, посвященного славной странице освободительной борьбы русского народа, — до сих пор оставался в тени; язык этого замечательного образца многостороннего дарования писателя не исследован.

Данная работа представляет собой попытку изучить язык и стиль «Истории Пугачева», а также установить, как отражаются в них теоретические языковые взгляды Пушкина.

II

«История Пугачева» вышла в свет в 1833 году. Официальная критика встретила этот труд великого писателя весьма холодно. Образцом исторического труда как по содержанию, так и по форме, считалась «История Государства Российского» Н. Карамзина с ее красочно-риторическим слогом. Критик Броневский, рецензируя «Историю Пугачева», так писал о языке Пушкина: «В истории Пугачевского бунта все так холодно и сухо, что тщетно будем искать в нем труда знаменитого нашего поэта. Мы не нашли там ни одного чувства, ни одной искры жизни»¹.

Эта оценка вполне закономерна: Карамзин и Пушкин возглавляли два направления в развитии русского литературного языка, связанных между собой лишь как звенья процесса одной эпохи. Хотя Пушкин высоко ценил прозу Карамзина и на вопрос: «...чья проза лучшая в нашей литературе?» дал ответ: «Карамзина», однако относился к ней критически, добавив после приведенных здесь слов: «Это еще похвала небольшая»².

В работе над «Борисом Годуновым» Пушкин пользовался, естественно, материалом «Истории Государства Российского», но Н. Карамзин-прозаик не был учителем Пушкина. В «Дневнике» Вульфа мы находим следующее высказывание поэта: «Удивляюсь, как мог Карам-

¹ См. В. Виноградов, Язык Пушкина, М., 1935, стр. 359.

² А. С. Пушкин, Сочинения. Л., 1938, стр. 684.

зин писать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории»¹.

И. Пospelов справедливо отмечает, что «сухостью Пушкин называет здесь, конечно, не отсутствие риторического пафоса, а прежде всего недостаток той выразительности в изображении исторической действительности, которую друг Пушкина, Вяземский, называл исторической народностью»².

Несмотря, однако, на отрицательные отзывы литературной критики, отдельные представители русской исторической науки, далеко не разделявшие передовых воззрений Пушкина, встретили его труд как выдающееся научное, общественное и литературное явление.

Показательны в этом отношении высказывания известного своими реакционно-охранительными взглядами на развитие России историка М. П. Погодина. Погодин признавал труд Пушкина не только «самым важным явлением в русской словесности последнего времени», но и «большим шагом вперед в историческом искусстве»: «Пушкин, давший в «Борисе Годунове» язык нашей трагедии, Пугачевским бунтом нанес решительный удар ораторской истории, в коей Карамзин был у нас первым и последним мастером. И в самом деле, можно ли после Карамзина писать в его роде? Он поставил свои геркулесовы столбы и сказал: «не далее». Пушкин пролагает теперь новую дорогу. Многие читатели, привыкшие к риторике, обманываются наружностью «Истории Пугачевского бунта» и не отдают ей справедливости за мнимую простоту и легкость. О, если бы они знали, как еще трудно и мудрено писать по-русски легко и просто, то они стали бы говорить иначе и воздали бы хвалу автору, который овладел языком до такой степени, что может говорить им, как хочет... Историю читаешь как повесть и при всей сухости формы не оставляешь книгу от начала до конца... Такова сила таланта»³.

В этих замечаниях особенно важно суждение Погодина о том, что Пушкин «пролагает новую дорогу», а не идет по пути предшествующих ему историков, в частности Карамзина.

В. Г. Белинский не посвятил «Истории Пугачева» специальной статьи, но, насколько высоко ценил великий критик исторический труд Пушкина, видно из замечания Белинского в одиннадцатой статье «Сочинений Ал. Пушкина»: «...Этот исторический опыт — образцовое произведение и со стороны исторической и со стороны слога. В последнем отношении Пушкин вполне достиг того, к чему Карамзин только стремился»⁴.

В этих лаконических фразах заключено многое: В. Г. Белинский дает высокую оценку Пушкину и как ученому-историку и как мастеру научно-исторического языка и стиля, указывает на превосходство слога Пушкина над слогом Карамзина и, наконец, говорит о том, что исторический слог Пушкина является новым этапом в развитии русского научного языка.

Высокая оценка Белинским Пушкина как историка, безусловно, объясняется тем, что писатель опровергает официальный взгляд на Пугачева как на «злодея», «кровопийцу» и «разбойника» и наделяет вождя крестьянского восстания лучшими чертами, свойственными великому русскому народу.

О том, как расценивали труд Пушкина реакционно-охранительные

¹ А. Н. Вульф, Дневники, М., 1919, стр. 137.

² И. Пospelов, Из наблюдений над языком пушкинской прозы (по материалам работы Пушкина над историей Петра I), «Лит. учеба», 1936, № 10.

³ Н. Л. Бродский, А. С. Пушкин, М., 1937, стр. 771—72.

⁴ В. Г. Белинский, Собрание сочинений, М., 1948, т. III, стр. 639.

круги Российской империи, красноречиво говорит заметка самого писателя в «Дневнике». «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже, — не покупают. Уваров — большой подлец. Он кричит о моей книге как возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков... преследует меня цензурным комитетом»¹.

Безусловно, подобные отзывы о своей «Истории» Пушкин предвидел; но величие писателя состоит именно в том, что, несмотря на эти отзывы, он мужественно высказывал свое мнение и открывал читателю историческую правду, вскрывал закономерность крестьянского восстания, вызванного жестокостью царского режима. Только непреклонный и убежденный в правоте своего дела борец мог так прямо и откровенно писать шефу жандармов Бенкендорфу, одному из цензоров своего труда: «Не знаю, можно ли будет ее печатать: по крайней мере, я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни Силе, ни господствующему образу мыслей»².

История России всегда живо интересовала поэта, вдохновляла его. В черновиках Пушкина мы встречаем следующие замечательные строки:

«Два чувства равно близки нам,
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».

С первых лет своей литературной деятельности Пушкин посвящает ряд произведений истории России. В них мы встречаем образы князя Владимира, Олега, Ольги, Петра I.

Об обязанности писателя перекрещать страницы истории писал поэт в письме к Гнедичу в 1825 г.: «Я жду от вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается невоспетой, — писали Вы мне когда-то. А Владимир, а Мстислав, а Донской, а Ермак, а Пожарский! История народа принадлежит поэту»³.

Характерно, что в этом перечне исторических личностей мы встречаем и имя Ермака. В этом сказывается глубоко демократический подход Пушкина к пониманию истории, внимание, уделяемое поэтом тем личностям, которые вышли из народа, а не только князьям и царям.

Интерес к образам Ермака и Степана Разина в некоторой мере и подготовил писателя к созданию через несколько лет «Истории Пугачева». Непосредственным же вступлением Пушкина на путь исторических исследований была начатая в 1827 г. работа над «Арапом Петра Великого», которую Пушкин сочетал с изучением «Деяний Петра Великого» Голикова.

Работа над сочинением Голикова — это не только знакомство Пушкина с русским историко-научным языком, но и изучение его и оценка, что видно из письма к А. Бестужеву от 30 ноября 1825 г.: «Руслан—молосос, Пленник — зелен — и перед поэзией кавказской природы — поэма моя: — Голиковская проза»⁴.

В последующей своей работе над историей Петра I Пушкин перерабатывает тяжеловесный, громоздкий, архаичный голиковский язык, придавая ему простоту, ясность, историческое соответствие описываемым событиям⁵. Но первым и единственно завершенным историческим трудом поэта является «История Пугачева».

¹ А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, т. 12, стр. 337.

² А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, т. 15, стр. 226.

³ А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, т. 13, стр. 145.

⁴ Там же, стр. 244. Пунктуация А. С. Пушкина.

⁵ Об этом см. работу П. С. Попова, «Лит. наследство», № 16-17, стр. 718.

В июле 1833 г. писатель едет на место событий. В Казани и Уральске он деятельно собирает материалы, относящиеся к эпохе пугачевщины, беседует со стариками — свидетелями восстания, собирает также фольклорные произведения, относящиеся к восстанию Пугачева. Пушкин записывает в своем «Дневнике»: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мной описанной, проверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь проверяя их дряхлеющую память историческою критикою».

Эта тщательная подготовка и нашла впоследствии свое отражение как в освещении событий, так и в языке «Истории».

III

Общеизвестно требование А. С. Пушкина к прозаическому языку: «Точность и краткость, вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат»¹.

Язык «Истории Пугачева» является образцом этой «точности и краткости». «Прелесть нагой простоты»², по выражению самого автора, в языке «Истории» доведена до предела. «История Пугачева» была рассчитана не на узкий круг придворных читателей, а на широкие читательские массы России. И если, говоря о своей художественной прозе, Пушкин писал: «Никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения провинциальной чопорности из боязни казаться простонародным, славянофилом и т. п.»³ или «Вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы»⁴, то в научном языке писатель стремится быть еще более сдержанным и точным. Ясные мысли Пушкин излагает прозрачным слогом. В своем труде он тщательно придерживался исторических фактов, справедливо их оценивая. Отсюда краткая фраза писателя, опирающаяся на исчерпывающий по семантической точности глагол, — специфическая черта языка «Истории Пугачева». В тексте «Истории» мы не найдем усложненных синтаксических конструкций, доходящих до обширных периодов, что было свойственно предшественникам Пушкина, особенно Карамзину.

Вот примеры пушкинского языкового стиля: «Окрестности были пусты. Михельсон ни от кого не мог узнать о стремлении неприятеля. Он пошел наудачу, и 2-го июня отряженный им капитан Карташевский ночью был окружен шайкой Салавата; к утру Михельсон подошел к нему на помощь. Мятежники рассыпались и бежали»⁵.

Из сложных предложений у Пушкина мы встречаем в большинстве случаев сложноподчиненные, легко распадающиеся на составные части: «Мятежники осадили крепость, завалили бревнами обгорелую площадь и ведущие к ней улицы и переулки; за строениями взвели до шестнадцати батарей; в избах, подверженных выстрелам, наделали двойные стены...»⁶

Встречающиеся же изредка сложноподчиненные предложения всегда чрезвычайно просты по структуре и приближаются к разговорным конструкциям. «Между тем узнал он (Михельсон — Г. Ш.), что недалеко находилась толпа мятежников» или: «Многочисленные толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже два раза бежали»⁷.

¹ А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1937, стр. 684.

² Там же, стр. 694.

³ А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, т. V, Л., 1928, стр. 133.

⁴ Там же, стр. 125.

⁵ А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1938, стр. 670.

⁶ Там же, стр. 660.

⁷ Там же, стр. 672.

Как известно, бессоюзные сложноподчиненные конструкции придают слогу повествования динамичность и лаконизм. В языке «Истории Пугачева» Пушкин нередко прибегает к подобным синтаксическим построениям. Особенно часто встречаются бессоюзные сложноподчиненные предложения с придаточными причины. «Преследовать было невозможно: у Михельсона не было и тридцати горных лошадей» или: «Настичь его было невозможно: он скакал проселочными дорогами»¹.

Синтаксический строй черновых вариантов «Истории Пугачева» также отличается простотой конструкций предложения. Но Пушкин, работая над текстом, старается сжимать фразу до предела, выбрасывая лишние слова. Например, в черновике: «Не возбуждая подозрения, неприметным образом прикочевать»². В печатном тексте: «Не возбуждая подозрения, прикочевать». Черновик: «Комendant майор Веселовский думал обороняться, но казаки и тут изменили». Окончательный текст: «...казаки и тут изменили»³.

Значительно большей синтаксической правке Пушкин подвергает те материалы, которыми он пользовался при работе над «Историей». Так, в летописи Рычкова читаем: «Предназначенного, то есть 5-го числа октября, по полуночи в 11-м часу (день сей был субботний), злодей Пугачев со всем своим бунтовщицким скопищем поднялся от Бердовской слободы и перешел в виду из города к реке Сакмаре на казачьи луга, расположился он подле имеющегося тут озера лагерем (расстоянием от города в 5-и верстах или меньше)»⁴.

Пушкин синтаксически упрощает эту фразу, попутно выбрасывая неприемлемую для него оценку Пугачева и его войска: «5-го октября Пугачев со своими силами расположился лагерем на казачьих лугах в пяти верстах от Оренбурга».

Из этих примеров видно, какое внимание писатель уделял форме своего произведения.

Интересна стилистическая роль синтаксиса в передаче особенно важных событий «Истории».

Пушкин был далек от самодержавно-официальной оценки восстания Пугачева. Чтобы показать читателю историческую обоснованность «пугачевщины», вызванной жесточайшими притеснениями и подавлением демократического строя уральского казачества, Пушкину необходимо было описать жизнь казаков в историческом аспекте, показать их былую мирную жизнь на привольном, богатом Яике. Начало «Истории Пугачева» — это спокойное, эпическое повествование историка с редкой для языка этого произведения синтаксической усложненностью: «Яик, по указу Екатерины II переименованный в Урал, выходит из гор, давших ему нынешнее его название: течет к югу вдоль их цепи, до того места, где некогда положено было основание Оренбурга и где теперь находится Орская крепость; тут, разделив каменистый хребет их, поворачивает на запад и, протекши более двух тысяч пятисот верст, впадает в Каспийское море. Он орошает часть Башкирии, составляет почти всю юго-восточную границу Оренбургской губернии...»⁵

Эпическая спокойная речь писателя постепенно переходит при освещении тревожных событий в истории казачества в краткие лаконичные фразы, динамичные и резкие. Конец первой главы подводит читателя к началу «пугачевщины». Синтаксис Пушкина предельно прост и даже

¹ А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, 1938, т. 9(2), стр. 413.

² Там же.

³ Там же, стр. 417.

⁴ А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, 1938, т. 9(1), стр. 222.

⁵ А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1938, стр. 647.

тревожен: «Тайные совещания происходили по степным уметам и отдельным хуторам. Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя», и, как исторически обусловленный вывод, звучит пушкинское заключение: «Предводитель сыскался»¹.

Какое значение придавал Пушкин последнему предложению, видно из его черновиков. В черновом варианте стояло: «Предводитель явился»². Но этот глагол не был годен для Пушкина, ибо, по его представлению (абсолютно правильному), Пугачев как вождь не навязал себя восставшим, а был выдвинут народом. Пугачев не явился, а был найден народом. И в окончательной редакции мы читаем: «Предводитель сыскался».

Вторая глава начинается краткими сведениями о Пугачеве. Пушкин олять переходит к главному эпическому слогу с более сложным синтаксическим построением. «В смутное сие время по казацким дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь то к одному хозяину, то к другому и принимаясь за всякие ремесла. Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков, уходил на время в Иргизские скиты...»³

Уравновешенным, внешне спокойным, но предупреждающим тоном Пушкин и заканчивает свою «Историю Пугачева»: «Народ живо еще помнит кровавую пору, которую так выразительно прозвал он пугачевщиною»⁴.

Стилистическая и идейная функция сложных синтаксических конструкций ясна из предыдущих примеров; и как вполне закономерное явление мы встречаем в описании стремительности военных столкновений и действий Пугачева простые, часто нераспространенные предложения с предельной динамичностью и исчерпывающим лаконизмом.

«Трауберг велел стрелять; казаки бросились на пушки. Произошло сражение; мятежники одолели. Трауберг был убит у ворот своего дома. Дурнов изранен. Тамбовцев повешен»⁵.

Пушкин скуп на слова, но эта скупость скрывает за собой определенную целеустремленность. Если мы обратимся к источникам пушкинской «Истории», то увидим, как творчески писатель пользуется материалом, как за лаконизмом кроется желание показать действия Пугачева объективно, не допустить в свой труд «модных» описаний «злодейских жестокостей» вождя восстания.

Рычков так описывает взятие Троицкой крепости: «Жалко и почти невозможно описать кровопролития и злодейств одного самозванца и сообщников его... Бывший здесь комендант г-н бригадир Фейервар, который, на сей бедственный случай находясь болен и возим был в коляске, заколот копиями. Г-жа бригадирша, жена его... привязана была к лошадиному хвосту, и таскали ее, живую еще, по улицам, и, наконец, оные злодеи тирански ее умертвили...»⁶

Пушкин опускает это велеречивое и сентиментально-трагическое описание, оставляя в своей «Истории» следующее предложение: «...комендант, бригадир Фейервар, был убит накануне, во время приступа, а офицеры его повешены»⁷.

Подлинно научный подход к описываемому материалу приводит Пушкина к иному языку. Мы не найдем в «Истории Пугачева» обычных аксессуаров субъективно-оценочного синтаксиса: риторических вопросов и восклицаний, столь свойственных его предшественникам.

1 А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1938, стр. 649.

2 А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, 1938, т. 9 (1), стр. 415.

3 А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1938, стр. 649.

4 Там же, стр. 679.

5 Там же, стр. 649.

6 А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, т. 9, стр. 347—48.

7 А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1938, стр. 661.

В некоторых случаях мы видим подлинные эмоции автора—гордость за Суворова: «Такова была слава Суворова»¹ и сочувствие к Пугачеву: «Так бедный колодник, за год тому бежавший из Казани, отпраздновал свое возвращение»². Под давлением цензуры Пушкин вынужден был заменить определение «бедный» словом «темный», но эмоциональность все же сохранилась в самой конструкции фразы.

Не менее проста и точна лексика и фразеология «Истории Пугачева». Пушкин освобождает свой язык от пышных покровов «словенщины», от выражений, воспитывавших в читателе, по словам Карамзина, «нежную чувствительность». Кроме употребившихся Пушкиным (скорее по традиции, чем по необходимости и стилистической функции) таких слов, как «сей», «оный», мы не находим в его языке архаических напластований. Пушкин максимально приблизил его к разговорному языку того времени.

О том, как Пушкин настойчиво и тщательно очищал язык произведения от архаизмов, свидетельствуют его черновые варианты «Истории». Приведем некоторые примеры:

В черновиках:

Пиитическое предание³
Старая сия мысль была общая⁴
Овладеть оным⁵

В окончательном варианте:

Поэтическое предание
Мысль, издавна общая
Овладеть им.

Подобную же правку мы находим и в области морфологии:

Черновик:

Как и солдатов⁶
Тыл Михельсонов⁷

Печатный текст:

Как и солдат
Тыл Михельсона

Только в единичных случаях, но всегда с определенными стилистическими целями, Пушкин вносит в свою речь церковно-славянизмы. Так, передавая описание казни Пугачева словами Державина, писатель вводит в строки, подводящие читателя к выдержке из воспоминаний Державина, слова из «высокого» языка, стилизуя, таким образом, свою речь под слог цитируемого автора: «Очевидец (в то время едва вышедший из отрочества, ныне увенчанный славою поэта и государственного мужа) описывает следующим образом кровавое позорище...».

Недостаточно, однако, сказать, что язык «Истории Пугачева» лексически и фразеологически прост. Пушкин одновременно обогащает научный язык за счет разговорной и областной лексики и фразеологии. Смелое внесение подобных форм отнюдь не делало язык «Истории Пугачева» экзотически пестрым; наоборот, он стал ясным, живым, соответствующим описываемым событиям. Так, и логически и стилистически вполне оправдано появление местной и «простонародной» лексики в строках, повествующих о событиях, происходивших на территории, населенной казачеством: «малолеток»; «уметы»; «Пугачев прискакал сам-пять»; «заграбленное имущество»; «зажился в нем» и т. п.

Но в то же время Пушкин не вносит в текст «Истории» слов, непонятных читателю. Правда, в черновике мы находим «из татарских аймаков», но в окончательном тексте Пушкин непонятное читателю слово

¹ А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1938, стр. 677.

² Там же, стр. 673.

³ А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, 1938, т. 9 (1), стр. 412.

⁴ Там же, стр. 415.

⁵ Там же, стр. 416.

⁶ Там же, стр. 428.

⁷ А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1938, стр. 679.

«аймак» заменяет чаще употребляющимся в русском литературном языке словом «улус» («из татарских улусов»)¹.

В ходе исторического повествования Пушкин не упускает и мелочей, его интересуют не только «громкие деяния», но и детали быта. Поэтому в языковую ткань «Истории» врывается струя бытовой лексики: «Анбар был отворен. Несколько четвертей муки и сухарей валялись на дворе»². Конечно, ничего подобного в языке Карамзина и его предшественников мы не найдем. «Высокий штиль» исторического повествования Пушкин разрушил и в этой сравнительно узкой языковой области. Народный писатель, пишущий об истории своего народа, говорит языком близким и понятным народу.

Отмечая эту особенность языка Пушкина, уместно вспомнить слова А. М. Горького: «Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его».

Коренным образом отличается язык «Истории Пугачева» от языка прежней исторической научной литературы и в отношении использования украшающих приемов повествования. Перифразы, метафоры, абстрактно-постоянные эпитеты предшественников Пушкина, особенно Карамзина, в языке «Истории Пугачева» сменяются прозрачной простотой и точностью.

Эпитеты Пушкина скупы и вместе с тем крайне выразительны. В этом отношении показателен портрет Пугачева: «Он (Пугачев. — Г. Ш.) сорока лет отроду, росту среднего, смугл и сухощав; волосы имел темнорусые, бороду черную, небольшую и клином...»³. Эта почти протокольная характеристика дает читателю больше, нежели многословные, но туманные описания прежних историков.

Несмотря на скупость пушкинских эпитетов, именно в них мы находим авторские оценки происходящих событий и действующих лиц «Истории Пугачева». Хлопушу Пушкин характеризует словами «славный каторжник»⁴, этим же эпитетом «славный» писатель определяет и самого Пугачева: «славный мятежник»⁵. Было бы неправильно думать, что определение «славный» Пушкин хотел подчеркнуть только известность Пугачева (такое значение это слово имело в то время); в применении к Пугачеву слово «славный» одновременно означает «достойный славы» среди того народа, в защиту которого он встал, «известный», «знаменитый», «прославленный». Это толкование эпитета «славный», подтверждается многими данными: и образом Пугачева в «Капитанской дочке», и явно благожелательным отношением писателя к своему герою, и, наконец, той оценкой, которую дала книге реакционная знать в лице Уварова и его клеветов. Не случайно Николай I потребовал от Пушкина заметить этот эпитет нейтральным определением «пленный».

Подобные эпитеты говорят нам и о взглядах самого писателя: он смело порывает с официозной историографией, трезво оценивает Пугачева и все происходившие события и симпатизирует своему герою.

О том, как стремился писатель сказать именно то, что он думает, свидетельствует его тщательная черновая работа. Сопоставляя черновики с печатным текстом, мы обнаруживаем, что Пушкин становился на путь

¹ А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, 1938, т. 9(1), стр. 412.

² А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1938, стр. 359.

³ Там же, стр. 667.

⁴ Там же, стр. 665.

⁵ Там же, стр. 678.

автоцензуры, жертвывая иногда малым, чтобы тем смелее и последовательнее отстаивать свои взгляды в большом и важном. Так, говоря о Каре, который до участия в подавлении Пугачевского восстания прославился своей жестокостью в Польше, в черновике Пушкин сначала написал: «жестоким исполнением»¹; в окончательной же редакции он заменяет это определение другим, не столь прямолинейным: «твердым исполнением». Упоминая об одном из отрядов Пугачева, Пушкин сначала написал просто: «отряд Толкачева», а в окончательной редакции изменил на «отряд мятежников под предводительством Толкачева»².

Наряду с подобными, сравнительно мелкими фактами автоцензуры, значительно чаще мы встречаем у Пушкина обратные примеры: мужественное отстаивание своих взглядов и оценок в окончательной редакции, исправление смысловых неточностей черновых набросков, освобождение от влияния тех источников, которыми автор пользовался:

Черновик:

Сим разбойником (о Степане Разине)³
Преступники были наказаны кнутом⁴
Верные старшины приведены⁵ (о старшинах, захваченных в плен Пугачевым—Г. Ш).
Сии первые жертвы его свирепости были⁶
Привели несчастного Харлова⁷

Окончательный текст:

Сим отважным мятежником
Зачинщики бунта наказаны были кнутом
Захваченные казаки приведены
Сии первые его жертвы были
Привели Харлова
и т. д.

Мы видим как Пушкин очищает текст от слов, придающих Пугачеву характер кровожадности и жестокости, как он стремится избежать официальной трактовки Разина и Пугачева в качестве разбойников и злодеев. Борясь с казенной историографией, в таких же правдиво-благожелательных тонах Пушкин описывает не только вождя народного восстания, человека, на сторону которого встал «весь черный народ», но и ряд мероприятий Пугачева. Пушкин пишет: «Первое возмутительное воззвание Пугачева к ящичкам казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного»⁸; совсем иную оценку он дает объявлению о Пугачеве оренбургского губернатора Рейнсдорпа: «оно было писано темным и запутанным слогом»⁹.

Пусть под нажимом цензуры писатель все время называет войска Пугачева «шайкой», Салавата — «злодеем» и т. п., но тут же он в неприкосновенности оставляет многозначительные, красноречивые строки из донесения Михельсона: «Увидя стройное войско, Михельсон не мог сначала вообразить, чтобы это был остаток сволочи, разбитой им накануне, и принял его (говорит он насмешливо в своем донесении) за корпус генерал-поручика и кавалера Декалонга»¹⁰.

Здесь, как и в предыдущих примерах, мы видим правдивый, обусловленный идейной направленностью автора подход к изучаемому материалу, величие Пушкина, который понял историческую закономерность восстания Пугачева и показал неразумность, эгоистичность и подлость действий правящих классов. Пушкин понял, что восстание Пугачева дви-

¹ А. С. Пушкин, Сочинения, изд. АН СССР, т. 9, стр. 421.

² Там же, стр. 424.

³ А. С. Пушкин, Сочинения, Изд. АН СССР, 1938, т. 9(2), стр. 412.

⁴ Там же, стр. 417.

⁵ Там же, стр. 417.

⁶ Там же, стр. 419.

⁷ Там же, стр. 421.

⁸ Там же, стр. 680. (Разрядка моя. — Г. Ш).

⁹ Там же, стр. 679. (Разрядка моя. — Г. Ш).

¹⁰ А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1938, стр. 669.

гал и поддерживал «весь черный народ», что вождь восстания и его сообщники — не бунтующие разбойники, а славные,мышленные люди, борющиеся за свою свободу.

* * *

Из краткого анализа языка и стиля «Истории Пугачева» можно сделать следующие выводы:

Язык Пушкина в «Истории Пугачева» является качественно новым слогом исторического повествования.

Синтаксис Пушкина, выполняя определенные стилистические функции, резко отличается своей простотой и динамичностью от синтаксических конструкций его предшественников, что особенно проявляется в насыщенности языка глаголами.

Лексика и фразеология Пушкина — пример «нагой простоты». В языке «Истории» почти незаметна струя архаизмов. Обогащение и демократизация словаря достигнуты благодаря использованию разговорного и областного лексико-фразеологического материала.

Стиль Пушкина суров и прост. Бросается в глаза отсутствие метафор, ярких и цветистых сравнений, пышных и малозначащих эпитетов. Эпитет Пушкина строг и точен, передает основное качество, признак лица или действия. В эпитетах сказывается оценка автора, облегчающая понимание идейной направленности произведения в целом.

Из сравнения черновиков с окончательной редакцией «Истории» видно, с одной стороны, настойчивая работа Пушкина над языком и желание донести до читателя свои мысли и взгляды в неискаженном виде, очистка языка от налета архаики, приближение его к разговорной речи; с другой стороны, заметны попытки автора ценой несущественных уступок сделать «Историю» приемлемой для цензуры и тем самым возможной для обнародования.

Заканчивая наш опыт характеристики языка и стиля «Истории Пугачева», хочется вспомнить слова Пушкина, сказанные им в 1824 г.: «Метафизического (т. е. научного. — Г. Ш.) языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать (подчеркнуто мною — Г. Ш.) обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных»¹. Эти слова через десять лет блистательно были опровергнуты творческой работой самого писателя, создавшего «обороты слов» не только для «понятий самых обыкновенных», но и для понятий научных.

¹ А. С. Пушкин, Сочинения, Л., 1937 г., стр. 684.

Міністерство вищої освіти СРСР

ХАРКІВСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ім. О. М. ГОРЬКОГО

УЧЕНІ ЗАПИСКИ

Т О М XLV

ВИДАВНИЦТВО ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

ім. О. М. ГОРЬКОГО

ХАРКІВ

1952

Міністерство вищої освіти СРСР

ХАРКІВСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ім. О. М. ГОРЬКОГО

Т Р У Д И
ФІЛОЛОГІЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ

Т О М 2

ВИДАВНИЦТВО ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ім. О. М. ГОРЬКОГО

ХАРКІВ

1952